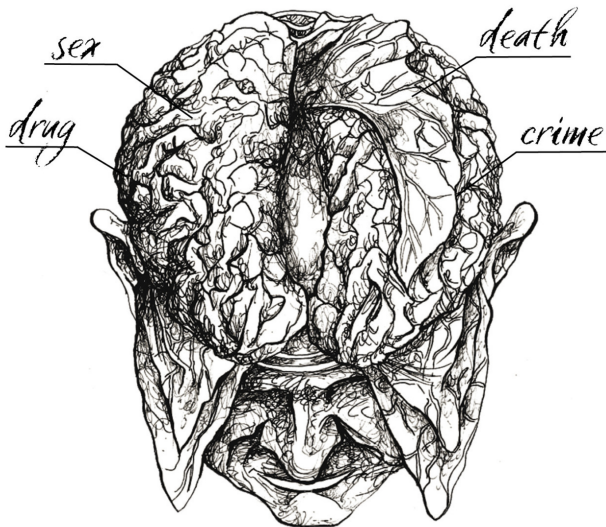

СЕКС, СМЕРТЬ ГАЛОПЕРИДОЛ

КАК РАБОТАЕТ **МОЗГ**
преступника

СУДЕБНАЯ
ПСИХИАТРИЯ

КАК ОНА ЕСТЬ

Михаил Бажмин

18+

Михаил Бажмин
Секс, смерть и галоперидол.
Как работает мозг
преступника. Судебная
психиатрия как она есть
Серия «Тайны профессионалов»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68022692

Секс, смерть и галоперидол. Как работает мозг преступника: АСТ;

Москва; 2022

ISBN 978-5-17-149756-9

Аннотация

Сумасшедшие истории из практики судебного психиатра с точными и искрометными комментариями автора. Каждая история пробирает до мурашек и никого не оставит равнодушным.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Вступление	5
Что такое психиатрическая экспертиза	9
Легко ли преступнику «косить под дурку»	12
Прозаические будни судебной психиатрии	15
Психиатр – это не психолог: в чем разница	18
Глава 1	21
Бог и судия	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил Бажмин
Секс, смерть и
галоперидол. Как
работает мозг преступника

*Моей любимой жене, вдохновлявшей и
помогавшей*

© Текст. Михаил Бажмин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Вступление

Меня всегда спрашивают: а если человек захочет обмануть врача и прикинуться здоровым или, наоборот, больным? Вопрос этот мне уже изрядно набил оскомину, если честно. Отвечу просто – ничего не выйдет.

Раз уж вы держите в руках эту книгу, значит, вас чем-то привлекает мир психики человека в целом и психиатрия в частности. Возможно, вам интересно, почему люди ведут себя так, а не иначе, или вы увлечены изучением особенностей психологии преступника? А быть может, вы хотите понять, когда нужно обратиться к психиатру, или помочь близкому человеку... В любом случае, добро пожаловать!

Эта книга не учебник по судебной психиатрии и не научный труд. Я даже заранее хочу попросить коллег, которые будут ее читать, не относиться слишком уж строго к формулировкам – все-таки это популярная литература, ее задача – скорее просветить, нежели научить. Здесь вы найдете описания клинических случаев, которые я встречал и продолжаю встречать в своей практике. Некоторые из них стали классическими в нашей науке – все локации и персонажи не вымышлены, это абсолютная правда, сохранены даже место и время описываемых событий.

Мир психиатрии вообще и судебной психиатрии в частности необычайно увлекателен. Как по мне, так это настоящие «игры разума». Перед специалистами всегда стоит задача «вскрыть» сознание обвиняемого, причем без использования каких-либо инструментов – только интеллект врача против интеллекта его оппонента. Это настоящие шахматы, и цена поражения – несправедливое решение, наказание невиновного или, наоборот, оправдание преступника. На врачах лежит и моральная ответственность, и социаль-

ная, и медицинская. Судебные психиатры не только проводят экспертизы, но и лечат тех, кто был признан невменяемым и оказался на больничной койке вместо тюремных нар.

Что такое психиатрическая экспертиза

Несколько слов о том, как экспертиза происходит и как система в принципе устроена. В разных странах процессы отличаются, конечно, да и уголовное законодательство может довольно сильно варьироваться. Но общие черты есть везде, поскольку главный вопрос, стоящий перед экспертами, – о вменяемости обвиняемого или подозреваемого. Если человек признаётся «невменяемым», то ему нельзя «вменить в вину» совершенное им преступление. И значит, такого человека нужно не помещать в тюрьму, а лечить в больнице (конечно, если есть необходимость в изоляции от общества – бывает, что пациентов суд отпускает на амбулаторное лечение, если речь идет о незначительном правонарушении).

Давайте по порядку. Итак, возможно проведение психиатрической экспертизы подозреваемого (то есть пока еще не подано обвинительное заключение и идет расследование), и тогда психиатров спрашивают чаще всего о двух вещах: страдает ли подозреваемый психическим расстройством и может ли он предстать перед судом в своем текущем состоянии. То есть понимает ли он, что такое суд, кто такие адвокат, прокурор и судья, зачем это все вообще нужно и какова его личная роль в процессе. У меня был пациент, который все знал и понимал, но считал, что идет на суд, чтобы заявить о своей

идеологической позиции и объяснить судьбу, почему в стране нужно срочно менять политическую систему. Хотя при этом он знал, кто такой судья и адвокат. В результате пациент был признан неспособным предстать перед судом.

После подачи обвинительного заключения суд может задать еще один вопрос: может ли обвиняемый нести ответственность за совершенное преступление? То есть мог ли он отвечать за свои поступки и удержаться от их совершения в тот момент, когда он, собственно, преступил закон.

В ряде стран (в США, большей части Европы и Азии, Австралии и других) система выглядит именно так, и психиатрическое заключение подается с ответами на эти три (в сумме) вопроса: болен обвиняемый или нет, может он предстать перед судом или нет, несет ли ответственность за свои деяния или нет. В странах бывшего СССР, в Восточной Европе, Китае и некоторых регионах Африки судьи задают экспертам множество разных вопросов, на которые не всегда можно дать обоснованный ответ. И заключение психиатрической экспертизы выглядит иногда как небольшая книга – столько приходится писать экспертам, чтобы обосновать свою точку зрения перед судом. Во время работы в России мне приходилось встречать вопросы о необходимости изолировать пациента, о предполагаемом сроке лечения, однажды даже спросили, по какой статье судить, – а это, мягко говоря, не совсем в компетенции врача. Но в основном, конечно, все сводится к трем описанным вопросам.

Экспертиза может проводиться амбулаторно (в поликлинике или приемном покое), так чаще всего происходит в несложных случаях. А может быть и стационарной – тогда человека госпитализируют в психиатрическое отделение для наблюдения. Так бывает, когда совершено тяжкое преступление, например убийство или изнасилование. Или когда после амбулаторной экспертизы врач не может прийти к заключению из-за сложности случая и просит суд дать разрешение на экспертизу стационарную.

Все вышеописанное относится к уголовному процессу. Конечно, я не беру в расчет экспертизы при получении водительских прав, лицензии на оружие, инвалидности, определении годности к службе в армии... Есть масса видов психиатрических экспертиз и освидетельствований, о которых в этой книге речь мы вести не будем. Как вы понимаете, нельзя объять необъятное.

Легко ли преступнику «косить под дурку»

Меня всегда спрашивают: а если человек захочет обмануть врача и прикинуться здоровым или, наоборот, больным? Вопрос этот мне уже изрядно набил оскомину, если честно. Отвечу просто – ничего не выйдет. Врачи каждый день видят и симулянтов, и диссимулянтов (тех, кто скрывает симптомы заболевания), и надежность качественно проведенной экспертизы очень и очень высока.

Расскажу поучительную историю. Уже работая в Израиле, я какое-то время заведовал приемным покоем. Это очень «горячее» место в любой больнице – там постоянное столпотворение. Больные-родственники-полиция, шум-гам.

Привозит мне как-то полиция на амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу парня лет тридцати. Обвиняется он в убийстве партнера по бизнесу. Уже все доказано, подано обвинение в суд, только нужно решить, куда он пойдет: в тюрьму или в психиатрическую больницу.

Смотрю в компьютере на его историю – точно, наш человек, несколько раз лежал, стоит диагноз острое психотическое расстройство, все как положено, только вот каждый раз при выписке врачи в разных отделениях ставили пометку, что клиническая картина нетипичная,

есть подозрения на симуляцию. Но для симулирования должен быть мотив – а зачем человеку в течение трех лет обращаться к психиатрам и симулировать психоз, если у него все в жизни хорошо: женат, есть бизнес, долгов особых нет? Какая ему выгода? Бывает, что подростки так делают, чтобы от армии «отмазаться», но здесь-то взрослый мужчина, армия уже далеко позади.

В общем, на осмотре я вижу тот же психоз, с активным галлюцинированием, все вроде бы сходится... Но что-то не так. В общем, решил я попросить у суда разрешение на наблюдение в отделении и госпитализировал его. А через две недели вот что выяснилось.

Он не мог поделить бизнес со своим партнером в течение пяти лет. Дело доходило и до драк, и до суда – и все никак они не могли разобраться. Вот и решил один другого зарезать. Причем решил твердо так, сознательно, и сразу начал думать, как избежать тюрьмы... И придумал заранее обеспечить себе психиатрическую историю болезни, чтобы отправиться в больницу, а не в тюрьму. Он не знал, что по решению суда госпитализация будет такой же продолжительной, как и заключение, только с небезопасными таблетками. Короче, на чистую воду мы его вывели, все вскрылось, и отправился он мотать срок со всеми нормальными зеками, поскольку заболевания у него никакого не было.

Это я к тому, можно ли психиатров обмануть, – человек изучил заранее симптомы расстройств, прекрасно играл роль, – но в конечном итоге все равно

шила в мешке не утаишь.

Кстати, один из самых простых способов добиться честности от пациента – просто объяснить ему все как есть и какие у него варианты. Чаще всего люди думают, что если «закосят под дурку», то их или отпустят, или они полечатся за казенный счет в больнице и пойдут домой. Это далеко не так. Если суд назначает наказание в виде тюремного заключения, то все понятно – есть определенный срок. И в случае психиатрии все работает так же: психически больной преступник тоже получит срок. Но после его окончания при необходимости этого человека продолжают лечить принудительно, уже вне рамок суда, – как и любого гражданина, который представляет опасность для себя или окружающих из-за наличия у него психического заболевания. Иными словами, выйти из психиатрической больницы в случае приговора суда бывает сложнее, чем из тюрьмы. Я знаком со случаем госпитализации, продолжавшейся почти 20 лет... из-за того, что пациент в юности подделал билеты в кинотеатр! Да и условия в психиатрических больницах не очень-то далеки от тюремных, если честно. Что интересно, в странах, которые содержат больницы в чистоте и вкладывают деньги в ремонт и оборудование, и в тюрьмах условия не самые плохие. А если тюрьмы «на выживание», то и психиатрические больницы такие же. Совпадение? Не знаю...

Прозаические будни судебной психиатрии

Еще один миф о мире судебной психиатрии: мы работаем исключительно с серийными убийцами, насильниками и каннибалами. В действительности самые частые случаи – когда хронический больной, брошенный всеми, без денег, от голода крадет какую-нибудь булочку и попадается полиции. В таких случаях не всегда даже доходит до суда – пациента госпитализируют, накормят, отмоют, организуют ему место для жилья... Это я про Израиль, если что. В России все несколько сложнее по понятным причинам. Так что рутинная судебная психиатрия – это мелкие преступления, не представляющие особого интереса для читателя. Небольшие кражи, нанесение незначительного ущерба, часто – торговля наркотиками. Бывают и анекдотичные случаи.

Однажды у меня на экспертизе был человек, которого обвиняли в финансовых махинациях. Оказалось, что это и правда хронический больной, которому некая преступная организация платила какие-то гроши, чтобы он подписывал им банковские чеки и различные документы. В результате его обвинили в неуплате налогов на несколько миллионов. А он даже не понимал, где и за что расписывается, – ему платили, на жизнь хватало, и ладно. Все это в конечном итоге вскрылось. Но история вошла в летопись нашей больницы

– таких случаев даже старожилы не помнили. Пациент был признан невменяемым, получил год или два в больнице, за это время ему организовали пособие по инвалидности, место для проживания в открытом хостеле для душевнобольных и работу на заводе. Выписался он от нас, имея вполне налаженную жизнь, насколько это возможно для хронического больного шизофренией. На мой взгляд, это хороший пример того, как должна работать система, ориентированная не только на изолирование больных от общества, но и на реинтеграцию в него.

Безусловно, бывают и гораздо более brutальные и кровавые случаи. Их в книге много. Они всегда вызывают широкий общественный резонанс, но это все-таки исключения из правил. С другой стороны – именно они и остаются в памяти.

Скажу пару слов и о характере работы психиатров. Она очень вредная. И дело не в том, что психиатры якобы сходят с ума – это как раз не так, хотя я и слышу пару раз в неделю шуточки типа: «в психиатрической больничке кто в халате, тот и врач». Дело в том, что по статистике случаев профессионального выгорания и суицидов психиатры в «топе». Кстати, по непонятной причине мы на втором месте после... стоматологов. Кроме того, нередки случаи посттравматических расстройств среди психиатров, частенько на врачей нападают пациенты, а иногда и их родственники. Одним словом, наши будни далеки от киношной картинки, когда больной лежит на кушетке, а врач сидит в изголовье и курит си-

гару. Плюс еще масса бюрократии, от которой страдают все системы здравоохранения, много общения с реальными преступниками, наркоманами, людьми без определенного места жительства – в психиатрии всегда собирались маргиналы, и ежедневная работа с ними не может не накладывать свой отпечаток на врача.

Кроме всего прочего, приходится работать и с жертвами насилия, пациентами с посттравмой от тяжелых ситуаций – солдатами, беженцами, женщинами после сексуального насилия и так далее. В подобных случаях тяжело регулировать собственную эмпатию, она включается по полной, ты искренне сочувствуешь пациенту, и это тоже не очень хорошо. Само собой, что это еще один путь к профессиональному выгоранию, но плюс к тому – еще и собственная травма врача. Она накапливается с годами, все это приносится домой. Нужно уметь отключаться. Однако это не просто: врач (если он настоящий врач, конечно) думает о своих больных и в нерабочие часы, мы переживаем за пациентов и пытаемся им помочь, а у такой жизни есть своя цена. Один из моих ординаторов пережил инфаркт в 40 лет – уверен, что кроме курения сигарет и потребления кофе свою роль сыграли ночные дежурства и работа с тяжелыми пациентами.

Психиатр – это не психолог: в чем разница

Раз уж зашла речь о конкретной работе, отвечу еще на один частый вопрос, который слышал сотни раз: в чем разница между психологом, психиатром и психотерапевтом?

Итак, разница между психологом и психиатром простая. Психиатр – это врач, прошедший после окончания медицинского института специализацию по психиатрии. Он мыслит клинически и лечит различной степени тяжести заболевания, причем преимущественно – лекарствами, как и любой другой врач. Мыслит психиатр категориями симптомов, синдромов, диагнозов.

Психолог – человек, который получил высшее психологическое образование, он не врач, его стиль мышления абсолютно другой и основан на гуманитарной парадигме. Психолог не может назначать лекарства, не мыслит категориями диагнозов и никого не лечит. Он изучает психическую жизнь человека, может заниматься коррекцией некоторых видов нарушений. Существует дополнительная специальность – клинический психолог. Эти специалисты работают зачастую в психиатрических больницах и занимаются диагностикой сложных случаев при помощи специальных тестов, проводят различные виды психотерапии – они «двоюродные братья» психиатров и их лучшие помощники в сложных случа-

ях. Также психологи работают в различных кризисных центрах, телефонных службах поддержки, занимаются семейными проблемами и сохранением браков. Список видов их деятельности очень длинный. Но принципиально – они не врачи, у них другие задачи.

А теперь – психотерапия. Что же это за зверь такой? А это метод воздействия на психику человека с целью ее (психики) оздоровления и улучшения качества человеческой жизни. Другими словами, психотерапия – это группа школ прикладной философии, цель которых – улучшение качества жизни человека. Существует два основных направления: когнитивно-поведенческая психотерапия (КПТ) и динамическая психотерапия.

КПТ – школа, основанная на работах академика Ивана Петровича Павлова (того самого, который открыл условные и безусловные рефлексы в опытах на собаках) и психиатра Аарона Бека, используется в самых разных случаях, включая довольно тяжелые психиатрические заболевания.

Динамическая психотерапия – это огромная группа различных школ и подходов. Они как раз и представляют собой что-то вроде практической философии и основаны в конечном итоге на работах Зигмунда Фрейда и его соратников. Фрейд был первым психотерапевтом в истории нашей планеты, и из его работы выросло целое гигантское учение и плеяда выдающихся классиков психотерапии. Эти подходы созданы в основном для людей без психиатрических диагно-

зов. Основная масса клиентов психотерапевтов вполне себе здоровы и хотят улучшить качество жизни, понять себя, помириться с собой и так далее. Персональная психотерапия – это предмет роскоши, длится несколько лет и стоит дорого.

А теперь – следите за руками. Психотерапией может заниматься и врач-психиатр (при наличии соответствующей дополнительной специализации), и психолог (и в большинстве они как раз и занимаются), и социальные работники, и даже адвокаты. Для упрощения скажу, что существует прекрасная старая поговорка, описывающая психотерапевтический процесс очень точно: «Лучший психотерапевт – это подружка и бокал вина». А вот психиатрией может заниматься только врач, поскольку только он может ставить диагноз и назначать лечение.

На этом завершу вводную часть, не хочу сразу утомлять читателя объяснениями и деталями. У нас еще будет возможность погрузиться во все перечисленные понятия и разобраться, что там к чему.

Ну что ж. Говорят, лиха беда начало и путь в тысячу ли начинается с первого шага. Давайте начинать!

Глава 1

Шизофрения

Бог и судия

Я ударил еще, дважды – снова в горло и в живот. Она упала, пыталась ползти, под ней растеклась большая лужа крови, и я снова вспомнил, как умирал отец, опять удивился, что в человеке столько может поместиться. Но я уже не плакал. Я выполнил Его волю и стал свободен. Я буду хорошим судьей, меня так учила мать. Я буду хорошим.

Я не преступник. Я ничего не крал. Не желал жены ближнего. Не создавал золотых тельцов. Я лишь исполнял волю Господа, пока не понял, что я и есть Господь.

1983 год. Я родился! Какое же все было интересное! Помню себя с первого дня жизни. Помню запах мамы, колючее одеяло, в которое меня заворачивали и клали рядом с батареей зимой, чтобы я не мерз. Помню даже рисунок на нем – бледно-зеленого цвета клетки и полоски, колючий ворс советского пледа, разрезанного на несколько квадратов, чтобы из одного сделать аж четыре одеяла для меня, маленького.

Родители меня любили, хоть и странной своей любовью. Отец работал на заводе и выпивал довольно крепко. Когда я подрос, он иногда мог меня «поучить» оплеухой или даже ремнем, но всегда за дело – я рос непоседой и много хулиганил. Помню, один раз с мальчишками мы учились метать ножи, чтобы быть как герои фильма «Пираты двадцатого века». Проблема заключалась в том, что мы учились метанию ножей на деревянной калитке соседа, что ему не сильно понравилось. Доски были покрыты ровным слоем треугольных дырочек от втыкавшегося кухонного ножа и округлых вмятин от ударов рукоятью, когда бросок не удавался. До сих пор помню эту серую старую древесину, разогретую на летнем солнце, и как мы убегали под крик:

– Сукины дети, я с вас шкуру спущу, ну какого ж хрена-то?!

Сейчас смешно вспоминать, что я боялся тогда соседа-старика, ветерана войны. Да и как я вообще мог бояться смертных... Впрочем, тогда я еще не знал, кто я есть, мне было-то лет восемь.

Годы шли, я рос. Отец умер рано – мне было 11 лет, его вдруг начало тошнить, потом рвало кровью посреди комнаты, рвота все не прекращалась и не прекращалась... Я и не думал, что в человеке так много всего может поместиться. А потом он потерял сознание. Запах этой крови, смешанной с непереваренным бутербродом и водкой, я тоже помню до сих пор. Странный такой запах, кисло-металлический с привкусом даром растроченной жизни. Врач скорой, который приехал на вызов, первым делом спросил:

– Выпивает батя?

– Выпивает, чего уж... – сказала мама. – Последние полгода и не просыхал почти, чертей гонял неделю назад.

– Слизистая пищевода у него порвалась, вот что. Допился...

Помню, что потом, уже в хирургическом отделении, врачи говорили какие-то непонятные слова, блестя стеклами очков и сочувственно покачивали головами, глядя на нас с мамой.

Он умер на следующий день в больнице, но на меня этот факт, если честно, не произвел большого впечатления. Я не слишком понимал, почему отец – это важно. Для меня он был просто мужиком, который иногда приходил домой и смотрел телевизор, а иногда

приползал и орал дурным голосом, что не для того он в Афгане по горам бегал. Правда, для чего он там бегал – так и не рассказал. Не успел, видимо. Наверное, его любовь ко мне была уж слишком «его», слишком суровой и потаенной – и я к нему не привязался.

А вот маму я очень любил. Она работала в магазине кладовщицей. Когда в девяностые в стране не было ничего, иногда давала мне и моему другу Сережке по шоколадной конфете, а изредка – по куску копченой колбасы. Мы жевали ее часами, как жвачку, потому что знали – следующий раз будет не скоро, если вообще будет, а этот восхитительный копченый вкус и склизкие комочки белого жира на языке были для нас так дороги, что мы не хотели с ними расставаться. Даже иногда не чистили зубы, чтобы этот вкус подольше был во рту. Мама меня часто гладила по голове и приговаривала:

– Ты-то сможешь. Ты не такой, как мы. Ты умный, вырвешься из дыры этой, только не пей, смотри!

И я не пил! Даже когда все сверстники за гаражами курили первые сигареты тайком ото всех и морщились от первых глотков спиртного, я уходил подальше и сидел, любясь с высоты плавным течением широкой Волги. Это всегда было моим любимым занятием – сидеть в одиночестве и смотреть, как вода с далекого Севера плавно и мощно течет куда-то на Юг. Я представлял, какие люди живут на берегах, что они делают, как рыбаки ставят сети и как капитаны пароходов зорко смотрят вдаль. Я мог проводить так

целые часы, особенно летом, когда тепло и река не скована льдом, хотя и зимой тоже мне нравилось смотреть на белый молчаливый простор.

А вот друзья меня интересовали мало. Был Сережка, но у него жизнь пошла по своему руслу, а я остался один с мамой, и меня это никак не напрягало. Я знал, что в школе меня считали странным, даже как-то раз мама водила меня к врачу, который ее успокоил и сказал: все со мной нормально, вырасту – и все наладится. Однажды все и правда наладилось.

Дело было после школьного выпускного. Все мои одноклассники, как водится, напились и пошли встречать рассвет (те, кто мог ходить), а я в самом начале вечера сбежал от них на горнолыжную базу, где трассы «стекали» к реке, залез на вершину и стал, как всегда, смотреть вниз, на дорожки от фонарей, горевших на противоположном берегу. К полуночи лунная дорожка высеребрила широкую полосу воды, я поднял глаза к небу и внезапно увидел летящие на меня звезды.

Это было как удар в мозг раскаленным прутом. Звезды колюче-белого цвета, с кулак размером, рушились на меня и выжигали внутри все, что роднило меня с человеческим видом. Я распадался и собирался вновь в недрах звезд, отживающих свои миллиарды лет, я видел их смерть и рождал новые звезды сам. На меня рушилась Вселенная, я отмахивался от летящих мне в лицо планет как от пыли во время летних суховейных ветров. И вот, наконец, когда весь Космос прошел сквозь меня, я осознал – я есть Бог. И вся

моя предыдущая жизнь, все эти 17 лет, прожитых без единой вредной привычки или драки, я выполнял волю Того, кто все это создал, потому что Он готовил себе смену. И выбор пал на меня.

Собственно, сегодня, много лет спустя, я понимаю, что у Него не было особых вариантов – кто же еще в состоянии сменить Его на этом бесконечном посту хранителя Вселенной? Ясное дело, никто такого не выдержит. И вот я прошел Посвящение. Когда сквозь мою душу рушились в бездну звезды, они выжгли во мне человека, но зато в этом пламени родилось что-то несопоставимо большее. Это было так правильно, что в моей телесной оболочке исчезли все эти досадные ограничения вроде жалости или злости – они только мешают. Последнее, что оставалось, – любовь к матери, я решил оставить это чувство себе. Волевым усилием я остановил падение звезд и понял, что способен теперь делать не только это. Да вообще-то я способен теперь делать все что угодно. Надо только правильно распорядиться этим, большая ответственность – сохранять Вселенную в целостности и сохранности.

Я бросил все. Призвать в армию меня пытались, но врач забраковал – сказал, что у меня какое-то там заболевание и оружие мне давать нельзя. Смешной дядька, зачем мне оружие, если я сам – пуля и лекарство, альфа и омега, жизнь и смерть. Мне не сразу поверили, конечно, даже в больницу положили «на экспертизу». Эксперты долго со мной разговаривали,

изо дня в день. Особенно один – был там, помню, парень, татарин, худощавый и спортивный, в очках, очень интеллигентный, вежливый. Все расспрашивал меня, как именно я Вселенной управляю. Однажды, помню, он ко мне пришел утром, весь такой подтянутый, говорит:

– Доброе утро, Виктор, как самочувствие?

– Нормально все, доктор, вы только попозже зайдите, мешаете.

– А чем вы заняты? – вежливо поинтересовался он.

– А вы идите, на градусник посмотрите и все поймете.

Он так и не понял, что я топил полярные шапки, чтобы обеспечить водой Африку. Таблетки мне хотел выписывать, но я их выплевывал по-тихому в унитаз. Хороший он парень, только приземленный. Собственно, по сравнению со мной все приземленные, что поделать.

После госпитализации я вернулся домой к маме. Она нервничала – сын внезапно запирается в комнате, не выходит, не ест. Я ей объяснил как мог, что к чему. Плакала долго – ну да ничего, сжилась как-то. Шло время. По человеческим меркам довольно прилично прошло, несколько лет. И вот в один прекрасный день Бог вернулся.

Я спал дома, мне снились другие миры, там шли войны между инопланетянами и я, как всегда, пытался примирить враждующих. Но вдруг в мой сон властно вторгся Глас. Это был именно Глас, а не какой-то там

голос. Он потрясал корни гор, сдвигал планеты с орбит, в моей голове это было новым Большим Взрывом – я чувствовал, как в мозгу начали зарождаться новые галактики. Глас сказал: я молодец, все правильно делал, и спасибо мне за то, что сохранил Космос в равновесии. Но теперь Он, Истинный, продолжит этот труд, а я буду его правой рукой, ибо доказал я, что способен. Одну мелочь нужно сделать – устранить мою последнюю привязанность, чтобы я стал свободным и мог выносить приговоры, казнить и миловать беспристрастно. Устранить мою любовь к матери.

Я плакал во сне, просил, умолял – Он был непреклонен. Когда я проснулся, была надежда, что это всего лишь сон и все пройдет. Но в голове поселился Шептун – голос вкрадчивый, тихонько говоривший мне, что я должен делать.

– Вставай, вставай, вставай, молодец. Одевайся, одевайся, одевайся, молодец. Иди в ванную, в ванную, в ванную, молодец...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.